

Сударушка. - 2000. - 9 февр. - с. 15.

Козаков и Стеблов ужинали в четыре руки

Более десяти лет Михаил Козаков не выступал в качестве кинорежиссера. За это время в его жизни произошли разные события. Он успел уехать в Израиль, создал там вместе со своей женой Анной собственную антрепризу, много гастролировал. Однако полного творческого удовлетворения так и не почувствовал. И сравнительно недавно вернулся в Россию, чему были несказанно рады почитатели его таланта. Сейчас Козаков, чувствуя себя в отличной творческой форме, работает как никогда много: выпустил очередную книгу воспоминаний «Три Козаков Три», играет в спектаклях (настоящим событием стал его Шейлок в «Венецианском купце» на сцене Театра имени Моссовета), дает концерты и... снял новый фильм, который в это воскресенье, 13 февраля, покажут по каналу РТР.

...Пьесу Пауля Барца «Возможная встреча» Козаков поставил еще в Израиле, в своей антрепризе. Показывал этот спектакль и в России. Историю о том, как могла бы происходить встреча двух великих композиторов — Генделя и Баха, которые в реальной жизни нико-

гда так и не пересеклись, Козаков играл вместе с Валентином Никулиным, тоже проводившим несколько лет в Израиле. Московским зрителям она известна по спектаклю МХАТа с участием Иннокентия Смоктуновского и Олега Ефремова. И вот когда компания «Партнер-фильм» предложила Козакову сделать для них какую-нибудь картину, Михаил Михайлович выбрал пьесу Барца. А фильм получил другое название — «Ужин в четыре руки».

По воле немецкого драматурга в Лейпциге в 1747 году по случаю приема Иоганна Себастьяна Баха в «Общество музыкальных наук» на званом обеде встретились виновник торжества и его гениальный современник — Георг Фридрих Гендель. Бах, обремененный многочисленным семейством, бедствовал всю жизнь и до самой смерти так и остался скромным кантором церкви Святого Фомы в Лейпциге. Холостяк Гендель считался королем музыки, он вкусил в полной мере и славу, и радость жизни, и силу власти. Он блестяще освоил прихоти королей Европы, стал модным и самым высокооплачиваемым

композитором. Бах безумно завидовал славе Генделя, а Гендель — таланту Баха. Оба в конце жизни ослепли. На могиле Баха не был установлен даже надгробный камень, а Генделя похоронили в Вестминстерском аббатстве по высшему разряду.

Как всегда, Козаков показал себя блестящим режиссером и актером (он играет Генделя). При очень скромном бюджете (что такое для современного кино 30.000 долларов!) фильм был снят за шесть дней в одном павильоне на «Мосфильме». Кое-что доснимали дома у Козакова и даже чуть не устроили там пожар. Настоящую еду, которую приготавливали в мосфильмовском ресторане

«Актер», старались не трогать — резали на кусочки банан и жевали его как изысканные креветки и трепанги. Но зритель не заметит всего этого, потому что будет захвачен диалогом двух гениев в исполнении Козакова и Евгения Стеблова (Бах). Они говорили о взаимоотношениях художника и власти, о свободе творчества, об искусстве и славе, о вечности и гармонии. Начавшаяся агрессивно, вымышленная беседа двух стареющих композиторов постепенно перерастает в разговор единомышленников, которых объединяет Музыка. А перед ней меркнут любые амбиции.

Увы, массового зрительского отклика на этот фильм вряд ли следует ожидать, поскольку для показа выбрано весьма позднее время — 12 часов ночи. Кстати, сам Козаков, человек на редкость здравомыслящий, тоже не надеется на громкий резонанс. Просто он хорошо выполнил свою работу — фильм получился стильный, характеры героев неоднозначны. Может, кто-то вполне справедливо решит, что Стеблов явно переигрывает Козакова...

Марьяна СИДОРЕНКО